

М. В. Ковалев
(Саратов)

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции¹

Статья посвящена феномену отражения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции. В статье анализируются основные памятные ритуалы и церемонии и выявляется их культурный смысл. Делается вывод, что мемориализация русско-турецкой войны была связана как с устоявшейся традицией, так и со спецификой эмигрантской идентичности.

Ключевые слова: *русско-турецкая война 1877–1878 гг., историческая память, Россия, Болгария, София, Прага, Париж, русская эмиграция, мемуаристика, памятные ритуалы, идентичность.*

Для русской эмиграции 1920–1930-х гг. исторические праздники служили одним из способов сохранения идентичности вдали от Родины. Различные коммеморативные практики, приуроченные к знаменательным датам, должны были способствовать сохранению целостной культурной традиции. Диаспора нуждалась не просто в памятных церемониях и ритуалах, но в символическом выражении того, что даже на чужбине российская культура, национальные традиции и язык продолжают жить². В обращении к своим соотечественникам за рубежом в 1926 г. историк Е. Ф. Шмурло отмечал, что подобные торжества должны стать для эмигрантов напоминанием о великом прошлом и о великих духовных ценностях, созданных творческой работой предшествовавших поколений и ставших неотъемлемым достоянием русского народа³. В более широком смысле, они должны были служить важным механизмом сохранения и передачи исторической памяти. Празднование памятных дат, чествование великих людей приобрело в Зарубежной России широкий размах. Среди множества юбилеев и празднеств важное место занимали памятные даты славянской истории, что легко объяснить не только культурной традицией, но и высокой концентрацией эмигрантов в славянских странах, их поддержкой местными политическими и общественными кругами.

В конце 1920-х гг. славянский мир отмечал 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Главным центром торжеств была Болга-

рия. Русская диаспора там с особым чувством восприняла юбилей, неразрывно связавший судьбы Родины и приютившей их страны. В марте 1928 г. на торжественном вечере в театре «Роял» в честь годовщины освобождения профессор международного права Софийского университета П. М. Богаевский (1866–1929) выступил от лица эмигрантов с проникновенной речью, которую слушал и присутствовавший там царь Борис III⁴. Особый статус празднеств придавали престарелые русские ветераны. Они «участвовали в торжествах 3 марта [1927 г.] и делились своими воспоминаниями на встречах с учащейся молодежью... они были почетными гостями на местных и национальных торжествах во многих городах страны»⁵. Еще в 1923 г. в Софии группа русских ветеранов в составе генералов А. А. Смагина, Г. Э. Берхмана, М. Р. Ерофеева и майора И. Н. Николаева выступила с инициативой образовать специальную общественную организацию. Так было положено начало Союзу русских ветеранов Русско-турецкой войны в Болгарии, устав которого был официально утвержден 1 декабря 1923 г. Министерством внутренних дел и народного здравоохранения⁶. Союз этот просуществовал до 1950 г.

В феврале 1922 г. согласно специальному постановлению Совета министров Болгарии была образована Центральная комиссия по оказанию помощи проживающим в Болгарии русским и болгарским участникам войны 1877–1878 гг. при Министерстве иностранных дел и вероисповеданий. Г. Рупчева установила, что эта комиссия уже в первые годы существования собрала для поддержки ветеранов значительные денежные суммы. Только в 1923 г. они превысили 800.000 левов, четверть из которых была передана болгарским ополченцам, а остальное – русским эмигрантам⁷. С 1924 по 1927 г. постановлениями Народного собрания и соответствующими царскими указами участниками Освободительной войны было признано 59 человек (среди них генералы, офицеры, солдаты и две медицинских сестры)⁸. По решению Народного собрания от 2 июля 1924 г. 52 русским ветеранам было пожизненно предоставлено пособие в 1000 левов, вскоре увеличенное вдвое. Некоторые из них в канун 50-летия войны были удостоены высшего болгарского ордена «За храбрость» (С. В. Жуков, Л. С. Крестовский, В. К. Манштейн, А. Ф. Селецкий, А. А. Смагин, А. В. Фок и др.)⁹.

Юбилейные торжества растянулись на год и нашли выражение в различных ритуалах и церемониях. Места боевой славы у Шипки и Плевны стали объектами паломничеств и экскурсий. В православных храмах служили панихиды в память павших воинов. В русской

эмигрантской и зарубежной славянской прессе появились десятки мемориальных статей и заметок, публиковались юбилейные брошюры и книги. Эмигранты организовывали памятные вечера, собрания, публичные лекции. Порой эти мероприятия растягивались на длительное время. К примеру, в Париже в Институте славянских исследований (*Institut d'Études Slaves*) на протяжении 1927–1928 гг. генерал-лейтенант Арсений Анатольевич Гулевич (1866–1947) прочел серию лекций о Восточном вопросе и русско-турецкой войне 1877–1878 гг.¹⁰

В Праге, которая была интеллектуальным центром Зарубежной России, празднества приобрели широкий размах. Их отличительной чертой было широкое участие как русских, так и чешских общественных организаций. Интересно, что с чешской стороны одним из главных участников юбилейных торжеств был писатель Йозеф Голечек (1853–1929), который в 1870-х гг. освещал события на Балканах в качестве корреспондента газеты «*Národní listy*»¹¹. 24 апреля 1927 г. в пражском храме Святого Николая представители русской диаспоры собрались на панихиду в память погибших. Она положила начало мемориальным мероприятиям, продлившимся до весны 1928 г. На следующий день центр торжеств переместился в Национальный музей на Вацлавской площади, где при участии представителей правительства Чехословакии, а также деятелей науки и культуры состоялось специальное собрание¹². По случаю годовщины начала войны, 3 мая 1927 г., было организовано торжественное заседание Русско-го исторического общества, на котором со вступительным словом «Общая характеристика русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» выступил его председатель Е. Ф. Шмурло. Кроме него доклады прочли А. В. Флоровский («Об общественном движении в эпоху освободительной войны»), М. А. Иностранцев («Об отношении политики и стратегии к тактике в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.»), Е. Ф. Максимович («Международное положение ко времени начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»)¹³. Другим местом памятных мероприятий был Русский народный университет. Там состоялся тематический вечер, который открыл вступительным словом ректор профессор М. М. Новиков. Затем с большим докладом «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» выступил генерал М. А. Иностранцев. Завершили вечер воспоминания Вас. И. Немировича-Данченко. Профессор А. В. Флоровский 1 марта 1928 г. выступил с докладом «Война 1877–1878 гг. и Ф. М. Достоевский» в Семинарии по изучению Ф. М. Достоевского. Вслед за ним, 11 марта, профессор И. И. Лаппо

прочел для 60 слушателей выездную лекцию «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» в городе Писеке¹⁴.

Непременным участником пражских торжеств был Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936), один из первых русских военных корреспондентов, непосредственный участник войны. Он пользовался довольно большим авторитетом, к нему с уважением относился сам президент Т. Масарик, который регулярно оказывал ему материальную помощь. Благодаря поддержке его книги в 1920–1930-х гг. многократно переиздавались на русском и чешском языках, например романы о русско-турецкой войне: «Гроза» (1879), «Вперед» (1883), «Семья богатырей» (1888), «Боевая голгофа» (1911) и др. Выступление Немировича-Данченко перед пражской аудиторией в апреле 1927 г. было наполнено патриотическим пафосом, который хорошо подчеркивали упоминания в его речи «северных богатырей», «священных теней старых бойцов», «чутких душ» с их «жаждой жертвенного подвига», могил русских героев, ставших «колыбелями свободы, равенства, братства и культуры»¹⁵. Войну 1877–1878 гг. он считал событием величайшей нравственной силы, ибо ее целью было бескорыстное освобождение братских народов от турецкого ига. Теперь же сама Россия находилась под игом. Но писатель верил, что эту Голгофу она сможет перестрадать: «Крестный ход ее не вечен, и мы верим, что уже не далек тот час, когда торжественный гул московских колоколов возвестит миру ее светлое воскресение. И в эти счастливые дни встанут перед нею гигантские тени ее балканских витязей – бессмертные богатыри и вожди Скобелев, Гурко, Радецкий, Драгомиров, Черняев и сотни тысяч Горталовых, Калистиных и других безвестных героев...»¹⁶ Схожим настроением были проникнуты и небольшие по объему воспоминания Вас. И. Немировича-Данченко, опубликованные в болгарском журнале «Славянский голос». В них он описывал посещение старых боевых позиций под Шипкой, которое навеяло ему ностальгические чувства. Перед глазами читателя – поле прежних сражений, «мирная идиллия трагического прошлого»¹⁷. Так образы прошлого получали современное звучание и наделялись объединительными функциями. Не случайно Немирович-Данченко говорил о необходимости передачи потомкам «благородной памяти» и о сохранении реликвий, которые должны были напоминать о героическом прошлом российского народа и вселять надежды на его скорое возрождение.

Правда, юбилей балканской войны не обошелся без идейных противоречий и мемориальных конфликтов. На собрании в Праж-

ском магистрате чешский профессор Иржи Горак заявил, что, несмотря на героизм русских солдат, война с Турцией оказалась бы проигранной из-за бездарности русских генералов, если бы на помощь им не пришли болгарские ополченцы. Южные славяне находились под влиянием чешских «будителей», которые своим идейным влиянием воспитали поколение болгарских патриотов. Русские эмигранты болезненно восприняли выступление чешского коллеги, они уходили с собрания уязвленными, подавленными и глубоко потрясенными¹⁸.

Интересно, что в то же время русские ученые в своих работах доказывали, что чешское общество во второй половине XIX в. восторженно встретило весть об освобождении русскими балканских славян¹⁹. Академик В. А. Францев, опираясь на представления о вечной вражде между славянским и романо-германским миром, отмечал, что «для трезвого и меркантильно расчетливого Запада порыв русского народа мог быть, пожалуй, проявлением донкихотства, но для всего славянства Россия была великим идеалистом, проявившим высочайшую степень христианского альтруизма и подлинного рыцарства, положившим душу свою за други своя...» Поэтому освободительная миссия России виделась ему не просто «евангельски-бескорыстным проявлением любви и братства», но самым ярким выражением подлинной русской души²⁰.

Война, вызвавшая некогда небывалый патриотический подъем в обществе, образы героев Шипки и Плевны, генерала М. Д. Скобелева, мечты о славянской взаимности по-прежнему волновали умы множества россиян. Война воспринималась и как общеславянское «место памяти». Эти настроения, к примеру, хорошо отражает статья профессора М. Г. Попруженко 1928 г., в которой он охарактеризовал основные этапы российско-болгарских отношений от Средневековья до XX века. Освободительная война 1877–1878 гг. служит для него высшей точкой в развитии этих связей, закономерным итогом всего предшествующего исторического пути двух стран. Она продемонстрировала, как «братская любовь» и сочувствие русского народа вместе с русским оружием «отвоевали историческое право на свободу и возрождение национального самосознания болгар»²¹. Героическое прошлое должно было утвердить эмигрантов в мысли, что переживаемые в настоящий момент их Родиной испытания не вечны и что она, как и прежде, сможет возродиться²².

Празднование 50-летия русско-турецкой войны было отмечено выходом в свет нескольких международных научных сборников, ав-

торами которых были и эмигранты, и их зарубежные коллеги. Первое подобное издание под заглавием «Россия в борьбе за освобождение балканских славян в 1877–1878 гг.» было напечатано на чешском языке в Праге летом 1927 г. Публикация на чешском свидетельствовала о том, что книга изначально была ориентирована на иностранного читателя, и именно в расчете на него писались все статьи.

Сборник открывался введением, написанным Е. Ф. Шмурло. В нем он говорил об осознании русским народом своей священной роли и высоких заветов по защите православного мира²³. Для него был важен не столько славянский мессианизм, сколько идея противостояния азиатским началам, которые ассоциировались для него с жестокостью, произволом, угнетением. Отсюда и глубокое сочувствие к исторической жертвенности как русских под монгольским игом, так и болгар и сербов, томившихся под турецким господством. Взгляды Е. Ф. Шмурло вполне укладывались в рамки колониального имперского дискурса. Не случайно историк говорил об огромной цивилизаторской роли России во время покорения Средней Азии и во время «грандиозной борьбы с мусульманским полумесяцем» на Балканах²⁴. Е. Ф. Максимович, специально занимавшийся изучением российской военной истории, посвятил свой очерк дипломатической ситуации накануне войны и ее внешнеполитическим последствиям. Он хорошо обрисовал расстановку сил в Европе, показал достижения и просчеты российских дипломатов и покритиковал европейское лицемерие по отношению к России и славянству. Впрочем, для всех русских авторов такая критика стала почти обязательной²⁵. Не будем отрицать, что европейское общественное мнение и политические круги в 1877–1878 гг. в самом деле были враждебно настроены к усилению России на Балканах. Но для чего эмигрантам через полвека после Освободительной войны потребовались обязательные обвинения в адрес Запада? Причина, думается, отражала в себе пережитые события недавнего прошлого. Первая мировая война пробудила к жизни эсхатологические настроения, заронила в сознание многих мысль о скорой гибели западной цивилизации. В эмигрантских кругах также происходило определенное переосмысление роли Запада, наблюдалось разочарование в европейских ценностях, породивших не только мировую бойню, но и марксизм, под знаменем которого к власти в России пришли большевики. К тому же в массовом сознании изгнанников существовала определенного рода озлобленность на западные державы за то, что они не пришли на помощь в борьбе с большевиками²⁶. На этой почве рождались представления об истори-

чески сложившемся западном лицемерии и вероломстве по отношению к России. В славянстве же, напротив, попытались найти культурную и политическую опору. Это было связано с верой в будущее славянских государств Европы и с тем, что именно эти страны оказали эмигрантам из России большую поддержку. Поэтому для того же Е. Ф. Максимовича было важно найти в прошлом общеславянские «места памяти»²⁷. Статья А. В. Флоровского была посвящена русскому общественному мнению в преддверии Освободительной войны²⁸. В ней он проанализировал взгляды И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, П. А. Вяземского, М. П. Драгоманова, Ф. М. Достоевского и других видных интеллектуалов на славянский вопрос. В освобождении Болгарии он видел продолжение укоренившейся традиции, отвечавшей «единодушно царившему в русских общественных кругах сочувствию к “вековым страданиям” болгарского народа»²⁹. Вместе с тем сам А. Ф. Флоровский не был проникнут славянофильскими настроениями, что позволяло ему критически оценивать исторические реалии. Поэтому в своей статье он говорил о том, что идея освободительного похода на Балканы встречала воодушевление отнюдь не у всех современников. Ярким выражением такой позиции он считал известный спор Левина со своим братом Сергеем Ивановичем на страницах толстовской «Анны Карениной»³⁰. Однако сама война выполнила объединительные функции. А. В. Флоровский отмечал, что в 1877–1878 гг. русское общество не было охвачено пораженческими мотивами, в отличие от времен Первой мировой. Война во многом направлялась общественным мнением, ее объявление произошло под непосредственным давлением общества, и самые разные круги желали победы. События 1877–1878 гг., с точки зрения А. В. Флоровского, оказались освященными «высокими и альтруистическими целями» и явились ярким проявлением «гуманного славянского служения России»³¹. К слову сказать, в другой юбилейной статье, опубликованной еще в 1927 г., ученый сравнил значение Освободительной войны 1877–1878 гг. со значением Отечественной войны 1812 г., поставив их в один ряд³². Генерал М. А. Иностранцев подготовил для сборника очерк боевых действий русской армии на Балканах. Он воздал должное талантам И. В. Гурко, М. Д. Скобелева, Э. А. Тотлебена и др., но при этом сдержанно оценивал верховное командование³³. В заключительной статье приват-доцент Б. А. Евреинов задавался вопросом о последствиях освобождения для внутреннего развития Болгарии. Его внимание привлек вопрос о русской оккупационной администрации и ее вкладе в формирование новых органов управле-

ния. Он подчеркивал, что русские не только освободили страну, но и обучили армию, заложили основы управления³⁴.

Другой примечательный сборник, «Празднование Освободительной войны 1877–1878 гг.», был подготовлен совместными усилиями русских и болгарских интеллектуалов. С болгарской стороны в нем приняли участие такие известные ученые, как С. С. Бобчев и В. Н. Златарски. Из числа русских историков свои исследования опубликовали А. А. Кизеветтер, В. А. Францев, А. В. Флоровский, И. И. Лаппо, П. М. Бицилли, П. М. Богаевский, М. Г. Попруженко, В. П. Никольский. От пражского издания сборник отличался более широким тематическим охватом. Авторы не ограничивали себя лишь событиями 1870-х гг. Для них было важно проанализировать истоки освободительной идеологии и практики, показать основные вехи российско-болгарских отношений. Именно поэтому в сборнике появились статьи А. А. Кизеветтера о взаимоотношениях России с южными славянами в XIV–XVIII вв., П. М. Богаевского – о Кючук-Кайнарджийском мире, В. А. Францева – об истории российского славяноведения и т. д. Отметим, что если для авторов чешского сборника было важно обрисовать основные вехи самой войны 1877–1878 гг., то для авторов болгарского сборника более важными казались проблемы славянской идеологии и истоков русской освободительной политики на Балканах. Так, А. А. Кизеветтер обзорно рассмотрел важнейшие моменты взаимоотношений России с южным славянством в XIV–XVII вв. Он обратил внимание на южнославянские влияния при формировании мессианской идеи «Москва – Третий Рим», пропитанной мыслью о духовном единстве всех славян. С этого момента, по мнению автора, московское правительство прониклось «сознанием своей нравственной обязанности сделать все для облегчения тяжелой доли тех православных людей, которые томятся под турецким игом»³⁵. Статья профессора И. И. Лаппо касалась славянского вопроса в царствование Петра I. Внимание историка привлекли многочисленные памятники южнославянской литературы, в которых прославлялась Россия и царь-реформатор. И. И. Лаппо подчеркивал, что в годы правления Петра Великого Россия стала для южных славян «опорой в деле сохранения ими своей национальности, а также источником их образованности»³⁶. Уже неоднократно упоминавшийся В. А. Францев посвятил свою статью становлению российского славяноведения в конце XVIII – начале XIX в. Он отметил значительную роль путешествий русских в славянские земли в развитии науки, а также в завязывании личных контактов между российскими

учеными и апостолами славянского возрождения: Й. Добровским, П. Шафариком, Ф. Челаковским, С. Стратимировичем, В. Караджичем³⁷. А. В. Флоровский рассмотрел историю болгарской эмиграции в Россию в царствование Александра I и проанализировал проекты решения южнославянского вопроса (великосербский проект Стефана Стратимировича, балканско-славянское царство В. Н. Каразина, славянская федерация (точнее – балканская федерация) А. Чарторытского и др.). А. В. Флоровский полагал, что южнославянский вопрос во внешней политике Александра I «был лишь одним из слагаемых, часто отступавших на заднее место перед лицом других проблем и заданий времени»³⁸. В этом кроется разгадка того, что ни один из выдвинутых проектов так и не нашел воплощения в жизнь. Вторжение Наполеона ознаменовало переключение отечественной дипломатии на другие направления, но судьбы южных славян по-прежнему продолжали волновать русское общество. Этот интерес уже вскоре выразился как в деятельности «Общества соединенных славян», так и в активизации балканской политики при Николае I.

Активное участие в праздновании юбилея принимали военные круги эмиграции, для которых события 1877–1878 гг. были важной частью корпоративной памяти и идентичности. Именно офицеры-эмигранты нередко выступали организаторами мемориальных мероприятий. В Париже 11 июня 1927 г. со специальной лекцией выступил генерал-майор Константин Иванович Сычев (1870–1935). В его понимании война носила характер крестового похода, в основе которого лежала освободительная идея, разделяемая в России абсолютно всеми – и царем, и крестьянином. Поэтому, с точки зрения генерала, на события 1877–1878 гг. нельзя смотреть с общепринятой сугубо военной позиции, в них нужно видеть духовную составляющую³⁹. В своей речи автор четко определял цель и непосредственные задачи войны. Он подробно рассказывал о переправе русских войск через Дунай, о летнем походе генерала И. В. Гурко, о Шипкинском сражении. Но главное место было отведено событиям вокруг Плевны. Следует признать, что генерал стремился дать объективную оценку неудачам русской армии. К их причинам он отнес малочисленность русских войск по сравнению с турецкими, разрозненные и преждевременные атаки, непродуманную артиллерийскую подготовку, просчеты командования. И тут автор очень осторожно и взвешенно констатировал, что из «политической вежливости» высшее командование не было единым: при штабе находились румынский князь Карл, великий князь Николай Николаевич и сам император Алек-

сандр II. И эти обстоятельства негативным образом сказались на последствиях всей операции. В итоге Плевна стала самым тяжелым событием войны, «повлекшим за собою существенное изменение, если не перелом, в общем ходе войны, отразившимся весьма неблагоприятно на армии и на всем народе русском»⁴⁰. В то же время действия самого императора К. И. Сычев всячески оправдывал.

В Ницце главным участником торжеств стал генерал Николай Алексеевич Епанчин (1857–1941), живой свидетель русско-турецкой войны, прошедший ее в составе Лейб-гвардии Преображенского полка. Он принимал участие в сражениях при Горном Дубняке, Плевне, Этрополе, Орхание, Ташкисене, Софии, Филиппополе, в походе на Адрианополь и взятии Сан-Стефано. За проявленную храбрость он был награжден орденом Святой Анны IV степени и орденом Святого Станислава III степени. После войны Н. А. Епанчин нес службу в Генеральном штабе, сочетая ее с активной научной и преподавательской деятельностью. В частности, он был членом Военно-исторической комиссии Главного штаба по составлению описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и одним из первых ее историков. Его перу принадлежало несколько серьезных исследований, заслуживших высокую оценку современников и переведенных на английский и немецкий языки⁴¹.

В 1927 г. старый генерал подготовил памятную брошюру⁴². Визуализации образов прошлого на ее страницах способствовали портреты представителей командования – Александра II, великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича, Ф. Ф. Радецкого, И. В. Гурко, М. Д. Скобелева, М. Т. Лорис-Меликова, герцога С. М. Лейхтенбергского. Трудно сказать, насколько совпадал текст брошюры генерала с его выступлением 25 апреля 1927 г. Но, вне всякого сомнения, тональность их была одинаковой. Помимо Н. А. Епанчина, с памятными речами выступили еще два видных представителя русской диаспоры в Ницце: крупный экономист, профессор Петр Петрович Мигулин (1870–1948) и дипломат, посланник России в Болгарии в 1911–1914 гг. Анатолий Васильевич Неклюдов (1856–1934). Сам генерал Н. А. Епанчин с горечью констатировал, что празднование исторического юбилея было омрачено эмигрантскими раздумьями: «Мы молились не в своих полковых храмах, перед полковыми святынями, не под сенью наших родных славных знамен, а в Зарубежье, в рассеянии, на чужбине»⁴³.

В своем выступлении Н. А. Епанчин обрисовал Россию как многовековую бескорыстную защитницу славян. С точки зрения

генерала, ее внешняя политика всегда была основана на нравственных и гуманных началах, в противовес современной ему «реальной политике» с эгоистическими интересами во главе. Поэтому, как и К. И. Сычев, он уподоблял войну крестовому походу, который продемонстрировал трогательное единение «сердца Царева с сердцем народа, души Царской с душой народной, единение любви и единомыслия»⁴⁴. Он рассматривал ее как вынужденную меру, отнюдь не желательную для России, ввиду не завершенных до конца реформ. Ответственность за обострение балканского кризиса генерал возлагал не столько на Турцию, сколько на Европу, которая опасалась роста влияния России. Действительно, весь текст пронизан патриотической риторикой, идиллическими картинками единения общества и власти и мессианской верой в русский народ. Русская армия рисуется исключительно как дружная семья, а представители высшего командования – как заботливые наставники, готовые плакать от умиления, русский царь исполнен доверия, человеколюбия, кротости и справедливости. Участники войны изображаются как наследники героических традиций древнерусских воинов, солдат Петра Велико-го и А. В. Суворова. Генерал даже уподобил переход через Балканы в 1877 г. походам князя Святослава в IX в.

Фигура генерала Н. А. Епанчина довольно примечательна. Он не снискал лавров боевого героя, являясь, по сути, на протяжении всей жизни классическим примерном штабного офицера. Его участие в русско-турецкой войне осталось, пожалуй, самым ярким эпизодом в его военно-полевой биографии. Но именно оно обеспечило ему роль хранителя живой памяти об освобождении Балкан, и именно в этом качестве он выступал в эмигрантских кругах. Очевидно, сам генерал и его близкие осознавали необходимость зафиксировать воспоминания о прошлом. По настоянию своего старшего сына Николая генерал Н. А. Епанчин в 1932–1939 гг. работал над мемуарами «На службе трех императоров». При жизни автора книга не была опубликована. Несколько экземпляров рукописи хранилось в личных архивах детей и внуков генерала. В 1961 г. его сын, Николай, передал имевшиеся у него бумаги отца в Колумбийский университет. Внук генерала, видный коллекционер и меценат Эдуард Александрович Фальц-Фейн, в 1982 г. подарил имевшуюся у него машинописную копию воспоминаний Центральному государственному военно-историческому архиву (ныне – РГВИА). Но лишь к середине 1990-х гг. благодаря усилиям журнала «Наше наследие» эти мемуары увидели свет, пополнив ряд интересных и значимых источников по русской

истории второй половины XIX – начала XX вв.⁴⁵ Русско-турецкой войне в воспоминаниях отведено особое место. Автор акцентирует внимание на неблагоприятной для России политической обстановке, на интригах западных держав, особенно отмечая вероломство Германии. Он описывает вступление русской армии в Систов, сражение у Горного Дубняка, взятие Этрополя, осаду Плевны, зимний переход через Балканы. При этом основное внимание он уделяет рассказу о действиях командования, давая, в частности, позитивную оценку великим князьям, довольно сильно расхваливающим с историческими реалиями. Но наибольшего внимания он удостоил фигуру И. В. Гурко, которого знал лично и деятельность которого изучал еще до революции. Что побудило Н. А. Епанчина отдать несколько лет работе над своими мемуарами, не имея твердой уверенности их опубликовать? И что заставило его столь много внимания уделить описанию освободительной войны? Прислушаемся к словам самого генерала: «С тех пор прошел шестьдесят один год, из юного подпоручика я стал восьмидесятилетним генералом, на чужбине, потеряв временно Родину, многих близких, все имущество. И вот, когда я пишу эти строки [19.12.1938], я живо вспоминаю минувшие времена, моих товарищей, сослуживцев, начальников, и среди них немало знал я достойных, обаятельных лиц...»⁴⁶

Немецкий историк Я. Ассман определил рубеж сохранения живой памяти о прошлом в сорок лет, после которых она оказывается под угрозой искажения и забвения. Вместо нее начинает складываться новая парадигма воспоминаний, они начинают наполняться новым смыслом, порой совсем не тем, который вкладывали современники⁴⁷. Для эмиграции было важно сохранять память о знаковых исторических событиях, о тех, которые могли внушить гордость за прошлое, которые можно было противопоставить горестному настоящему. Причем прошлое должно было служить моральным и воспитательным целям для молодого поколения эмигрантов, столкнувшегося с угрозой денационализации. Сохранение памяти могло осуществляться в разных формах и ритуалах. Написание мемуаров занимало при этом одно из центральных мест. Культурная среда Зарубежной России породила чрезвычайно широкий пласт источников подобного рода. Очевидно, что идея духовной преемственности во многом и руководила старым Н. А. Епанчиным, когда он писал свои воспоминания.

Большой интерес представляет и другой мемориальный проект, реализованный в конце 1920-х гг. в Софии. Под редакцией полковника Андрея Ивановича Золотухина (1854–1929) и майора Ивана Ни-

колаевича Николаева появился сборник воспоминаний русских ветеранов Освободительной войны 1877–1878 гг.⁴⁸ Публикация на болгарском языке свидетельствовала о желании сделать ее доступной в первую очередь для местного читателя. Кроме того, книге были приданы четко установленные воспитательные, пропагандистские функции, она должна была в очередной раз подчеркнуть традиции русско-болгарской дружбы.

Сборник включал в себя мемуары 21 ветерана Освободительной войны, которые эмигрировали в Болгарию в 1919–1920 гг. (А. Ф. Бояринов, М. Н. Васильев, Н. П. Гребеновский, Н. И. Губский, Д. Д. Женеев, С. В. Жуков, А. И. Золотухин, Н. П. Карпов, Н. К. Кононович, Л. В. Крестовский, П. А. Ляковский, В. К. Манштейн, А. С. Мельников, А. А. Смагин, М. Н. Никольский, О. Л. Нянковский-Войнилович, Р. А. Скальский, В. И. Скоробогатов, В. А. Солнцев, А. В. Фок). Воспоминания каждого автора сопровождался портретом и краткими биографическими сведениями. Они были выстроены в последовательности, которая отражает ход войны: от рассказов об Апрельском восстании и начале мобилизации русской армии до подписания Сан-Стефанского мира. Эти мемуары являются ценными, однако не слишком известными источниками по истории русско-турецкой войны. Они ярко отражают настроения русского общества, военный быт и повседневность, восприятие Другого и т. д. Разумеется, каждый из мемуарных текстов пронизывает освободительная, героическая риторика, словно призванная объяснить российскую политику на Балканах.

Уже упоминавшийся немецкий историк Я. Ассман при описании феномена памяти ввел понятие «коннективная структура», которая включает в себя воспоминание, идентичность и культурную преемственность⁴⁹. В случае русской эмиграции в качестве объекта индивидуальных и коллективных воспоминаний выступала сама война 1877–1878 гг., символом идентичности была идея освобождения в самом широком смысле этого слова, а культурная преемственность должна была определяться героизмом, понимаемым как готовность отдать свою жизнь во имя высокой идеи. Память о войне не была обезличенной. Налицо была активная персонализация образов прошлого, иначе говоря, культ великих людей – М. Д. Скобелева, И. В. Гурко, Александра II. Французская исследовательница М. Озуф говорила о «внеисторической» природе такого рода памяти, поскольку ее чистым продуктом является даже не сам великий человек, а его моральное значение и наследие⁵⁰. Подтверждение этого правила мы легко можем найти в отношении эмигрантов к героям русско-турецкой войны. Уместно

привести тут слова Н. Н. Кнорринга, одного из первых биографов М. Д. Скобелева: «...образ “белого генерала”, запечатленный навеки в памяти, в описаниях, в картинах, овеян легендой, сотканной из доброго материала: в нем нет места низменным чувствам, он символизирует красоту подвига, талант, личную храбрость и жертвенность, подъем человеческого духа и волю к победе»⁵¹.

Пятидесятилетний юбилей русско-турецкой войны получил широкий отклик в эмигрантских кругах. Он объединил вокруг себя представителей разных возрастных, социальных и профессиональных групп. Оживление образов прошлого должно было способствовать пробуждению национального сознания, расколотого историческими потрясениями, выражением славных исторических традиций. Юбилейные торжества 1927–1928 гг. представляли собой одну из попыток сложить из разорванных революцией частей коллективную историческую память, создать новый образ прошлого России, продемонстрировать многообразные выражения славянской идеи, показать неразрывную историческую связь России со славянским миром.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01251a2) и РНФ (проект № 15-18-00135).

2 Ковалев М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Кн. 25/2. С. 119–120; *Он же*. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 258.

3 Шмурло Е. Ф. Что такое День русской культуры? // Зодчие русской культуры. Прага, 1926. С. 7.

4 Аксенова Е. П. Как отмечалось 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русскими учеными-эмигрантами // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2013. Кн. 1. С. 125.

5 Рупчева Г. Освободителната Руско-турска война 1877–1878 г. в спомените на руски ветерани-емигранти в България 20-те – 40-те години на XX век // «Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. С. 233. О русских ветеранах-эмигрантах в Болгарии см. подробнее: Кьосева Ц. Ветераните от Руско-турската Освободителната война 1877–1878 г. – эмигранты в България // Славянски летописи. София, 2001. Т. 7. С. 312–318; Рупчева Г. Руските ветерани от Освободителната Руско-турска война 1877 – 1878 г. – еми-

гранти в България през 20-те – 40-те години на XX век // България и Русия между признателността и прагматизма. София, 2008; *Владева П.* Генарал-лейтенант Александър Викторович Фок и неговата втора родина България // http://cl.bas.bg/about-central-library/bulletin-of-central-library-of-bas/volume-46/46_4.pdf [Режим доступа: 14 апреля 2013 г., 2:09].

6 См.: *Пчелинцева Т.* «Союз русских ветеранов Русско-турецкой войны в Болгарии» // Русская газета. София, 2005. 7 июля. № 26 (97).

7 См.: *Рупчева Г.* Деятельность Центральной комиссии по оказанию помощи русским ветеранам русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Славяноведение. 2005. № 5. С. 67–77.

8 *Пчелинцева Т.* «Союз русских ветеранов...» С. 11.

9 *Рупчева Г.* Освободителната Руско-турска война 1877–1878 г. в спомените на руски ветерани-емигранти. С. 232.

10 См.: Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / Сост. С. А. Александров. М., 1998. С. 75, 77, 88, 92, 97.

11 РГАЛИ. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 103. Л. 6–6об.

12 См.: *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice.* Praha, 2000. T. I. S. 267.

13 *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 151.

14 Русский Народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1926–1927 учебный год. Прага, б. г. С. 15; Русский Народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927–1928 учебный год. Прага, б. г. С. 27, 35 и др.

15 РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 103. Л. 4–5об.

16 Там же. Л. 5об.

17 *Немирович-Данченко В. И.* Вечная память (За навечерието на Освободителната война 1877–78 г.) // Славянски глас. 1927. Кн. 1. С. 32–33.

18 *Новиков М. М.* Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. XLIX. С. 251–252.

19 *Францев В. А.* Война за освобождение славян и чешское общество // Возрождение. Париж, 1927. 16 июля; *Евреинов Б. А.* Война за освобождение балканских славян (1877–1878 гг.) и чешское общество // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 353–368.

20 *Францев В. А.* Война за освобождение славян и чешское общество.

21 *Попруженко М. Г.* Русия и Българското възраждане // Българска историческа библиотека. 1928. Т. 3. С. 147.

22 *Спекторский Е. В.* Освобождающая Россия // Возрождение. Париж, 1927. 13 июля.

23 *Šmurlo E. F.* Úvod // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. Praha, 1927. S. IX.

24 Ibid. S. III, VI. См. подробнее: *Ковалев М. В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27).

25 См., например: *Попруженко М. Г.* Сан-Стефанский мир и княз Дондуков-Корсаков // Българска мисъл. 1927. Кн. V. С. 357.

26 *Ковалев М. В.* Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940-х годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 124–125.

27 *Maksimovič E. F.* Diplomacie // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 41.

28 Сам А. В. Флоровский увлекся историей Освободительной войны еще во время своего недолгого пребывания в Софии в начале 1920-х гг. (*Флоровский А. В.* Архив на руското гражданско управление в България през 1877–1879 гг. // Юридически преглед. 1925. Кн. 2. С. 57–61). Свой обобщенный взгляд на развитие русско-болгарских связей в XIX в. он изложит в специальном докладе на V съезде Русских академических организаций за границей в 1930 г. (*Ковалев М. В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...» Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 105).

29 *Florovskij A. V.* Ruské veřejné mínění v předvečer a za osvobozené války 1877–1878 // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 42–43.

30 См.: *Толстой Л. Н.* Соч. Т. 9. М., 1889. С. 385.

31 Ibid. S. 74–75.

32 *Флоровский А. В.* Россия в борьбе за освобождение славян // Хозяин. Прага, 1927. № 21–22. С. 17.

33 *Inostrancev M. A.* Vojna // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 87.

34 *Evreinov B. A.* Ruská správa v osvobozeném Bulharsku // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 153.

35 *Кузеветтер А. А.* Россия и южное славянство в XIV–XVII веках // Прослава на освободителната война 1877–1878. Руско-български сборник. София, 1929. С. 6.

36 *Ланно И. И.* Петр Великий и южное славянство // Прослава на освободителната война... С. 19.

37 *Францев В. А.* Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного // Прослава на освободителната война... С. 47, 53.

38 *Флоровский А. В.* Россия и южные славяне в царствование императора Александра I // Прослава на освободителната война... С. 64.

39 Сычев К. И. Краткий очерк освободительной (русско-турецкой) войны 1877–1878 гг.: Доклад по случаю 50-тилетия войны 1877–78 гг., сделанный 11-го июня 1927 года в «День Русской Культуры» в г. Париже, Генерального Штаба генерал-майором К. И. Сычевым. Париж, 1927. С. 1.

40 Там же. С. 11.

41 См.: Епанчин Н. А. Очерк действий Западного отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1891–1893. Ч. 1–3; *Он же*. Война 1877–1878 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1895; *Он же*. Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902.

42 Епанчин Н. А. Памятка крестового похода 1877–1878 гг. Париж, 1927.

43 Епанчин Н. А. На службе трех императоров: воспоминания. М., 1996. С. 101.

44 Епанчин Н. А. Памятка крестового похода 1877–1878 гг. С. 10.

45 Кавтарадзе А. Г. Во имя истины // Епанчин Н. А. На службе трех императоров... С. 7–42.

46 Епанчин Н. А. На службе трех императоров... С. 118.

47 См.: Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 11–12.

48 Спомени на руските ветерани за Освободителната война 1877–1878 / Под ред. на А. И. Золотухин и И. Н. Николайев. София, 1929.

49 Ассман Я. Культурная память... С. 15.

50 Озуф М. Пантеон: Эколь Нормаль мертвых // Франция – память. СПб., 1999. С. 161–162.

51 Кнорринг Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев: исторический этюд. Париж, 1939. С. 90.

М. V. Kovalev

The Russian-Turkish war 1877–1878 in the historical memory of the Russian emigration

The article is devoted to the phenomenon of reflection the Russian-Turkish war 1877 – 1878 in the historical memory of the Russian emigration. The main commemorative rituals and ceremonies and its cultural significance are analyzed in the article. It is concluded that commemoration of the Russian-Turkish war was associated with both the established tradition and with the specific of emigrant's identity.

Keywords: *Russian-Turkish war 1877–1878, historical memory, Russia, Bulgaria, Sofia, Prague, Paris, Russian emigration, memoirs, commemorative rituals, identity.*